

СТАРЫЕ ДЕВЫ
В ОПАСНОСТИ

ПРОЛОГ

1

Не поворачивая головы, Рики осторожно скосил глаза на спинку маминого мольберта.

— А все-таки мне скучно, — объявил он.

— Потерпи еще немножко, милый, умоляю, и смотри на папу.

— Ладно уж. Ведь людям часто приходится делать скучные дела, правда, пап?

— Когда я позировал, — отозвался его отец, — мне было позволено смотреть на маму, поэтому мне не было скучно. Но скука бывает разная, — продолжал он, — так же, как бывают разные типы зануд. Их даже можно классифицировать.

— И к какому же типу ты бы отнес мистера Гарбеля? — спросила его жена, отступая на шаг от мольберта. — Рики, посмотри на папу еще хоть пять минут, а потом мы устроим перерыв, обещаю.

Рики нарочито тяжело вздохнул и уставился на отца.

— Ну, из того, что нам о нем известно, — сказал Аллейн, — он принадлежит к эпистолярному типу. Классический вариант. При встрече он непременно станет показывать тебе вещи, на которые, попадись они тебе в жизни, ты никогда бы не посмотрел. Снимки незнакомых людей, заброшенных теплиц. Вырезки из газет. У него полно подобного хлама. Думаю, он носит его с собой и в первую же минуту разговора вываливает перед тобой, а ты только глазами хлопаешь и не знаешь, что сказать. Ты шевелишься, Рики.

— А разве пять минут не прошли?
— Нет, и никогда не пройдут, если ты будешь ерзать.
Когда мистер Гарбель написал тебе в первый раз, Агата?

— Года полтора назад. Открытка пришла на Рождество. Всего я получила от него шесть писем и пять открыток. Последняя пришла сегодня утром. Тут я о нем и вспомнила.

— Пап, а кто такой мистер Гарбель?

— Один из маминых поклонников. Он живет в Приморских Альпах и пишет маме любовные письма.

— Почему?

— Потому что он уверен, что приходится маме четвероюродным братом. Но мне-то лучше знать...

— Что тебе лучше знать?

Зажав свободную кисточку в зубах, Трой невнятно пробурчала:

— Не двигайся, Рики. Умоляю!

— Ладно. Только пусть папа расскажет о мистере Гарбеле.

— Ну, он вдруг ни с того ни с сего прислал маме письмо, в котором сообщил, что дочь маминой двоюродной бабушки приходится ему троюродной сестрой и что маме, наверное, приятно будет узнать, что он живет в Приморских Альпах, в местечке под названием Роквилл. К письму он приложил карту Роквилла. На ней почему-то не было улицы, на которой он проживает, поэтому мистер Гарбель отметил ее от руки и рассказал, как редко он развлекается и ходит в гости.

— Скучновато ему живется.

— Видимо, настолько, что он в подробностях написал о еде, которую можно купить в Роквиле и не найдешь здесь, а также прислал маме номера газет с расписанием автобусов, сопровождаемые замечаниями вроде: «Этот автобус я нахожу очень удобным и часто им пользуюсь. Он отходит от главной гостиницы каждые полчаса». Ты все еще хочешь слушать про мистера Гарбеля?

— Если не пришло время для перерыва, то почему бы и не послушать.

— Мама ответила мистеру Гарбелю. Она написала, что ее очень заинтересовало его письмо.

— Правда, мама?

— Не могла же я быть невежливой, — пробормотала Трой и положила розовый мазок на верхнюю губу Рики на портрете.

— Тогда он написал снова и прислал три использованных автобусных билета и один использованный билет на поезд.

— Мама собирает билетики?

— Мистер Гарбель полагал, что маме будет приятно увидеть билеты, проколотые кондукторами и контролерами специально для него. Он также прислал роскошные цветные открытки с видами Приморских Альп...

— Да-а?! Можно я возьму их себе?

— ...на открытках мистер Гарбель нарисовал стрелочки, указывающие на то место, где стоит его дом, которого не видно, потому что снимки слишком мелкие, а также на дорожку, ведущую в дом, куда он иногда наведывается в гости. Только тот дом вообще не попал на открытку.

— Вроде картинки-загадки, да?

— Вроде. Еще он написал маме, как в пору своей молодости, когда он изучал химию в Кембридже, чуть было не познакомился с маминой двоюродной бабушкой, приходившейся ему троюродной теткой.

— Он взрыватель?

— Нет, он изучал другую химию. Когда он посылает маме подарки в виде использованных билетов и старых газет, он всегда делает приписку: «Посылает П. Е. Гарбель, улица Фиалок, Роквиль, миссис Агате Аллейн (урожденной Трой), дочери Стивена и Гарриет Трой (урожденной Бейнтон) и так далее...»

— Мам, это ведь о тебе, да?.. Ну, рассказывай дальше.

— Рики, — удивился отец, — неужели тебе интересно слушать про мистера Гарбея?

— Да, мне нравится, — сказал Рики. — А про меня он писал?

— Не думаю.

— А про тебя?

— Он выразил предположение, что маме захочется прочитать мне некоторые отрывки из его писем.

— Мы можем поехать к нему?

— Да, — сказал Аллейн. — Думаю, у нас есть такая возможность.

Трой, оторвавшись от работы, изумленно глянула на мужа.

— Что ты такое говоришь? — воскликнула она.

— Мама, пять минут прошли? Точно прошли. Значит, мне можно слезть?

— Да, спасибо, мое солнышко. Ты вел себя потрясающе. Надо подумать, как тебя вознаградить.

— Например, поехать к мистеру Гарбелю.

— Боюсь, — сказала Трой, — папочка, бедняжка, сболтнул, не подумав.

— Ну тогда... Не прокатиться ли нам в Вавилон? — предложил Рики, искоса поглядев на отца.

— Ладно, — простонал Аллейн, изображая отчаяние. — Отлично. Прекрасно. Поехали!

Он одним махом усадил визжащего от радости Рики себе на плечи и ухватил его за лодыжки.

— Хорошая лошадка! — вопил Рики, похлопывая отца по щеке. — Гони в Вавилон без передышки!

Трой с нежностью взглянула на сына.

— Скажи няне, что я разрешила выдать тебе на ужин двойную порцию.

— А клубничного джема тоже двойную порцию?

— Если он остался...

— Класс! — обрадовался Рики и огласил комнату воплем голодного неандертальца. — Ветроногая лошадка! — прокричал он, и родители дружно подхватили:

Сколько миль до Вавилона?

Сотня и еще десяток.

Доберусь ли засветло?

Доберешься запросто!

— Да! И домой вернешься! — вопил Рики, когда его галопом выносили из комнаты.

Трой замерла, прислушиваясь, пока не стих грохот на лестнице, а затем взглянула на свою работу.

«Как я счастлива!» — подумала она, но в тот же миг всполошилась: «Надо постучать по дереву!» — и... устыдилась собственной глупости. Она неторопливо собрала кисти, сняла краску с волос надо лбом и пришла к более трезвой мысли: «Как мне повезло». В таком настроении ее застал вернувшийся Аллейн. Волосы у него были взъерошены, как у Рики, галстук болтался на плече.

— Можно посмотреть? — попросил он.

— Смотри, — разрешила Трой, вытирая кисти, — только ничего не говори.

Аллейн, улыбнувшись, подошел к мольберту. Трой изобразила головку, которая, казалось, вся была соткана из света. Даже черные пряди кудрей выглядели свитыми из солнечных лучей. Это был скорее набросок, нежели законченное произведение, но набросок столь точный и выразительный, что дальнейшая его обработка представлялась излишней.

— Надо бы над ним еще поработать, — пробормотала Трой.

— В таком случае, — сказал Аллейн, — дай-ка я постучу по дереву.

Трой бросила на него быстрый благодарный взгляд:

— А что это ты заговорил о поездке к мистеру Гарбелю?

— Я встречался с шефом сегодня утром. Он был исключительно мил — так он обычно ведет себя, когда собирается поручить какую-нибудь крайне неприятную работу. Но его предложение не показалось мне таким уж отвратительным. Как я понял, контрразведка и Сюрте что-то там затевают совместно с отделом по борьбе с наркотиками, и наши планируют командировать человека, свободно владеющего французским, для переговоров и небольшого расследования. Поскольку инициатива исходит от совершенно чуждой нам контрразведки, мы с тобой могли бы, как и прежде, ограничиться светской любезностью с твоей стороны и притворным безразличием с моей, но оказалось, что от того места, где должно проводиться расследование, до Роквиля — как бы не ошибиться — не более сотни миль.

— Невероятно! — воскликнула Трой. — По соседству с Гарбелем?

— Именно. Вот я и подумал: то война, то Рики был маленький, то моя жуткая работа... Мы ведь никогда не проводили отпуск вместе, да еще за границей. Няня уезжает на две недели в Ридинг. Так почему бы вам с Рики не поехать со мной в Роквиль и не навестить там милого мистера Гарбеля?

Трой явно обрадовалась, но возразила:

— Не можешь же ты выполнять сверхсекретное поручение контрразведки, таская за собой жену и ребенка. Это будет выглядеть дилетантством. К тому же мы договаривались никогда не смешивать работу с отдыхом, Рори.

— В данном случае, чем большим дилетантом я буду казаться, тем лучше. Я ведь только остановлюсь в Роквиле, а расследование буду вести вне города, так что на самом деле нам не придется смешивать работу с отдыхом.

Трой соскребала краску с палитры.

— Мне страшно хочется поехать, — вздохнула она, — правда, не для того, чтобы познакомиться с мистером Гарбелем. Хотя как сказать. Все-таки мне не удается выяснить, действительно ли он такой невыносимый зануда. Прямотаки убийственное стремление.

— Поддайся ему. Напиши Гарбелю, что приезжаешь. Можешь вложить в конверт автобусный билет от Путни до Фулхэм-роуд. Как ты обращаешься к нему? «Дорогой брат»?.. Между прочим, как его зовут?

— Понятия не имею. Для меня он просто П. Е. Гарбель. Он писал, что близкие люди называют его Пег¹. При этом, разумеется, не преминул скаламбурить, что вот, мол, и он, словно квадратный штырь в круглой дыре...

— Под дырой он подразумевает Роквиль?

— Видимо.

— Как ты думаешь, чем он занимается?

---

¹ Peg — штырь (англ.). — Здесь и далее: примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.

— Не удивлюсь, если он пишет большой ученый труд о питьевой соде. Если так, то, вероятно, он попросит нас прочесть рукопись и высказать свое мнение.

— В любом случае нам придется с ним познакомиться. Да оставь ты палитру в покое и скажи наконец твердо и определенно, что мы едем.

Трой вытерла руки о рабочий халат и произнесла:

— Мы едем.

2

В собственном замке неподалеку от Роквиля мистер Оберон взглянул на погруженное в ночную тьму Средиземное море, туда, где лежали невидимые берега Северной Африки, а затем с благосклонной улыбкой обернулся к гостям.

— Я усматриваю добрый знак в том, что мы собрались здесь, — произнес он. — И объединил нас один общий возвышенный помысел. Ничего низменного, суетного.

Он назвал всех гостей по именам, и голос его звучал так, словно это была переключка в строю ангелов.

— Наша самая юная последовательница, — обратился он, просяив, к Джинни Тейлор. — Ее ждут необычайные, чудные открытия. Она стоит на пороге высшей радости. Да-да, я не оговорился, именно высшей радости! Так же как и Робин.

Робин Херрингтон, наблюдавший за Джинни Тейлор, резко вскинул голову.

— Ах, молодость, молодость, — вздохнул мистер Оберон, выражая то ли одобрение, то ли укор, и повернулся к остальным гостям, двум мужчинам и женщине. — Завидует ли мы им? — спросил он их и сам же ответил: — Нет! Наша жатва будет обильней. Ведь мы зрелые, опытные земледельцы, не так ли?

Доктор Баради, смуглый полный человек с умным лицом, взглянул на хозяина замка.

— Да, — сказал он, — именно — опытные и зрелые. А когда придет Аннабелла? Вы, кажется, говорили, что она намеревалась быть здесь?

— Милая Аннабелла! — воскликнул мистер Оберон. — Да. Во вторник. Неожиданно.

— Ах, во вторник! — пробормотал Карбэри Гленд, разглядывая свои выпачканные краской ногти. — Значит, у нее будет время отдохнуть и подготовиться к четверговым ритуалам.

— Милая Аннабелла! — с чувством подхватил доктор Баради.

Шестая гостья повернула помятое лицо к Джинни Тейлор и устремила на нее близорукий взгляд.

— Вы впервые здесь? — спросила она.

Джинни посмотрела на мистера Оберона. Ее свежее хо-рошенькое личико несколько портил взгляд, в котором читались неуверенность, беспокойство и чуть ли не страх.

— Да, — ответила она. — Впервые.

— Неофитка, — промурлыкал доктор Баради.

— И вскоре станет жрицей, — добавил мистер Оберон. — В столь юном возрасте. Как это волнительно! — Он широко улыбнулся Джинни.

Беседу прервал звон разбитого стекла. Робин Херрингтон уронил свой стакан на мозаичный пол, и остатки коктейля образовали лужицу у ног мистера Оберона.

Хозяин замка тут же прервал извинения Робина.

— Нет, нет, — сказал он. — Это счастливый знак. Возможно, предвестие. Давайте будем считать это жертвенным возлиянием... Не пора ли нам отобедать?

Глава 1

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЮГ

1

Аллейн приподнялся на локте и поднес циферблат часов к голубой лампочке над изголовьем. Двадцать минут шестого. Через час они будут в Роквиле.

Наверное, его разбудила внезапная тишина, наступившая, когда поезд остановился. Он лежал, напряженно прислушиваясь, но, за исключением шипения пара и хлопнувшей двери в соседнем вагоне, все было тихо и спокойно.

В двухместном купе через стенку лениво переговаривались пассажиры. Один из них громко зевнул.

Аллейн решил, что они остановились в Дусвиле. И действительно, чей-то одинокий голос огласил ночь протяжным криком: «Ду-у-усви-и-и-ль».

Локомотив снова зашипел. Тот же голос, видимо, продолжая прерванный разговор, крикнул по-французски: «Только не сегодня вечером! Ни в коем случае!» Ему в ответ в отдалении прозвучал смех. Голоса постепенно стихли, и им на смену пришел самый характерный звук железнодорожных станций — стук молотка обходчика. Но скоро и стальное постукивание постепенно замерло вдали.

Аллейн спустил длинные ноги с полки и сполз на пол. Шторка на окне была задвинута неплотно, он заглянул в просвет, и взгляд его выхватил фрагмент рекламного плаката и часть туловища носильщика, держащего в руке лампу. Лампа качнулась, колокольчик зазвенел, и поезд послуш-